

---

---

---

---

---

OMNIPOTENT GOVERNMENT

*Ludwig von Mises*

---

---

*Людвиг фон Мизес*

**ВСЕМОГУЩЕЕ  
ПРАВИТЕЛЬСТВО**

тотальное государство  
и тотальная война

---

---

---

---

---

---

---

---



социум

Людвиг Мизес

**Всемогущее правительство:  
Тотальное государство  
и тотальная война**

«Интермедиатор»

УДК 321/64+94(430)08/086

ББК 63.3(Гем)

## **Мизес Л. ф.**

Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война / Л. ф. Мизес — «Интермедиатор»,

ISBN 978-5-91603-665-7

В книге Людвиг Мизеса «Всемогущее правительство» представлена неотразимая критика политических, социальных и экономических идеологий, определявших историю Западной Европы и США в течение последних 200 лет. Автор подробно анализирует, как в специфических исторических и географических обстоятельствах в Германии эти идеологии (этатизм и национализм) породили стремление к автаркии и завоеванию требуемого для этого «жизненного пространства», став причиной Второй мировой войны, а также как те же самые идеологии помешали другим западноевропейским странам предотвратить надвигающуюся общеевропейскую катастрофу. Мизес первым показал, что нацизм и фашизм представляют собой тоталитарные коллективистские системы, имея гораздо больше общего с коммунизмом, чем с капитализмом свободного рынка. Более того, они являются логическим следствием необузданного этатизма и милитаризма дофашистских обществ. В пропитанной марксизмом интеллектуальной атмосфере 1940-х годов установленная Мизесом связь фашизма с марксистским социализмом стала настоящим шоком. Последняя глава содержит пророческую критику идеи мирового правительства, включая всемирные торговые соглашения. Особую актуальность для нашего времени представляет объяснение автором природы современного протекционизма как необходимого следствия вмешательства государства в экономику вообще и социального законодательства в особенности. Именно здесь корень проблем, которые сегодня парализовали переговоры о правилах «международной торговли» в рамках ВТО.

УДК 321/64+94(430)08/086

ББК 63.3(Гем)

ISBN 978-5-91603-665-7

© Мизес Л. ф.  
© Интермедиатор

## Содержание

Предисловие	6
Выражение благодарности	9
Введение	10
I	10
II	15
III	16
IV	18
V	21
Часть I Крах либерализма в Германии	24
Глава I Либерализм в Германии	24
1. Старый порядок и либерализм	24
2. Слабость немецкого либерализма	27
3. Прусская армия	27
4. Конституционный конфликт в Пруссии	30
5. Программа «Малой Германии»	31
6. Эпизод с Лассалем	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

# Людвиг фон Мизес

## Всемогущее правительство: Тотальное государство и тотальная война

### Предисловие

При обсуждении проблем социально-экономической политики общественные науки рассматривают только один вопрос: способны ли предлагаемые меры достичь результатов, к которым стремятся их авторы, или они ведут к такому положению дел, которое – с точки зрения сторонников этих мер – даже более нежелательно, чем та ситуация, которую намеревались изменить. Экономист не подменяет суждения своих сограждан о желательности конечных целей своим собственным суждением. Он просто задается вопросом: возможно ли достичь целей, преследуемых страной, правительством, группами давления, с помощью методов реально избранных для достижения этих целей.

Разумеется, это весьма неблагоприятная задача. Большинство людей нетерпимы к любой критике разделяемых ими социально-экономических убеждений. Они не понимают, что выдвигаемые возражения касаются только негодных методов и не оспаривают конечных целей, на достижение которых направлены их усилия. Они не готовы признать возможность того, что им будет проще достичь своих целей, если они будут следовать советам экономистов, а не отвергать их с презрением. Они называют врагами нации, расы или группы любого, кто рискнет высказать малейшую критику в адрес их любимых мероприятий.

Этот упертый догматизм влечет за собой весьма пагубные последствия и является одной из коренных причин нынешнего международного положения. Экономист, утверждающий, что установление минимальных ставок заработной платы не является подходящим методом повышения уровня жизни наемных работников, вовсе не является врагом рабочих. Напротив, предлагая более подходящие меры для повышения материального благосостояния наемных работников, он делает максимум, что в его силах, для подлинного улучшения их экономического положения.

Указывая на преимущества, которые каждый получает от функционирования капитализма, экономист не защищает интересы капиталистов. Экономист, который 30–40 лет назад отстаивал сохранение системы частной собственности и свободного предпринимательства не боролся за эгоистические классовые интересы богачей *того* времени. Он стремился оставить свободными руки тем неизвестным и не имеющим ни гроша своим современникам, обладавшим достаточной изобретательностью, чтобы создать новые отрасли промышленности, которые сегодня обеспечивают жизненный комфорт рядовому человеку. Конечно, многие из этих пионеров промышленных изменений разбогатели на этом. Но они приобрели свое богатство, обеспечивая потребителей автомобилями, самолетами, радиоприемниками, холодильниками, кинофильмами и огромным количеством других менее эффективных, но оттого не менее полезных новшеств. Новые товары, безусловно, не были достижением различных государственных контор и чиновников. Ни одним технологическим нововведением мы не обязаны Советам. Максимум чего сумели добиться русские, это скопировать некоторые усовершенствования, изобретенные капиталистами, которых они не перестают осыпать ругательствами. Человечество не достигло состояния окончательного технологического совершенства. Потенциал дальнейшего прогресса и повышения уровня жизни огромен. Творческий дух и изобретательность никуда не делись, несмотря на все утверждения об обратном. Но их потенциал полностью раскрывается только там, где существует экономическая свобода.

Точно так же если экономист пытается показать, что некая страна (назовем ее Туле) причиняет вред своим насущным интересам при проведении той или иной политики внешней торговли или при том или ином обращении с меньшинствами, обитающими в этой стране, не является врагом Туле или ее народа.

Оскорблять людей, критикующих негодные меры экономической политики и высказывать подозрения по поводу их мотивов, занятие бессмысленное. Это заставит замолчать голос истины, но не сделает неподходящие меры экономического политики подходящими.

Сторонники тоталитарного контроля называют взгляды своих оппонентов негативизмом. Они стремятся представить дело так, будто в то время как они сами требуют улучшения неудовлетворительных условий, остальные собираются позволить злу длиться вечно. Это взгляд на социальные проблемы с позиции узколобых бюрократов. Только с точки зрения бюрократов положительные и благотворные меры могут заключаться единственно в создании новых контор, издании новых декретов и увеличении числа государственных служащих, а все остальное – бездеятельность и пассивность.

Программа экономической свободы не носит негативистский характер. Она имеет вполне положительное содержание: установление и сохранение системы рыночной экономики, основанной на частной собственности на средства производства и свободном предпринимательстве. Она стремится обеспечить свободу конкуренции и суверенитет потребителей. В качестве логического следствия из этих требований подлинные либералы возражают против любых попыток заменить функционирование нестесненной рыночной экономики государственным регулированием. *Laissez faire, laissez passer*[1] не означает: пусть зло продолжает править бал. Напротив, оно означает: не вмешивайтесь в функционирование рынка, поскольку такое вмешательство неизбежно ограничивает объем производства и делает людей беднее. Кроме того, оно означает: не упраздняйте и не калечьте капиталистическую систему, которая, несмотря на все препятствия, созданные на ее пути правительствами и политиками, привела к беспрецедентному повышению уровня жизни широких масс населения.

В отличие от того, что утверждали немецкие предшественники нацизма свобода не является негативным идеалом. То, как сформулирована концепция – в утвердительной или отрицательной форме, – это все лишь вопрос языка. Фраза «свобода от нужды» эквивалентна выражению «стремление к положению дел, при котором люди лучше обеспечены предметами первой необходимости». «Свобода слова» эквивалентна «положению дел, при котором каждый может сказать то, что хочет».

В основе всех тоталитарных доктрин лежит убеждение, согласно которому правители мудрее и благороднее своих подданных и поэтому лучше знают, что принесет пользу последним, чем они сами. Вернер Зомбарт, бывший на протяжении многих лет фанатичным поборником марксизма, а позднее не менее фанатичным адвокатом нацизма, так прямо и заявил, что вождь нации, фюрер, получает приказы от Бога, верховного Вождя, Фюрера, Вселенной, а пребывание Вождем есть постоянное откровение<sup>1</sup>. Тот, кто с этим согласен, разумеется, должен перестать сомневаться в целесообразности всемогущества правительства.

Те, кто не согласны с этим теократическим обоснованием диктатуры, требуют для себя права свободно обсуждать соответствующие проблемы. Они не пишут слово «государство» с заглавной буквы. Они не уклоняются от анализа метафизических понятий гегельянства и марксизма, но сводят всю эту торжественную риторику к простому вопросу: подходят ли предлагаемые меры для достижения преследуемых целей? Отвечая на этот вопрос, они надеются оказать полезную услугу огромному большинству своих сограждан.

---

<sup>1</sup> Werner Sombart, *Deutscher Sozialismus* (Charlottenburg, 1934), p. 213. Amer. изд.: Sombart, *A New Social Philosophy*, translated and edited by K. F. Geiser (Princeton, 1937), p. 194.

Людвиг фон Мизес  
Нью-Йорк,  
январь 1944 г.

## **Выражение благодарности**

Я признателен Фонду Рокфеллера и Национальному бюро экономических исследований за предоставление грантов, позволивших мне предпринять данное исследование. Огромную помощь оказали критические замечания и предложения г-на Генри Хэзлита, который также отредактировал всю рукопись. Г-н Артур Гудмен консультировал меня по вопросам английского языка и стилистики. Г-н Юджин Дэвидсон из издательства Йельского университета оказывал мне самую разнообразную помощь. Ответственность за все высказанные мнения, разумеется, целиком и полностью лежит на мне.

## Введение

### I

Важнейшим пунктом в планах Германской национал-социалистической рабочей партии стоит завоевание для Германии *Lebensraum*[2], т. е. территории настолько обширной и богатой природными ресурсами, чтобы иметь возможность жить в изоляции и иметь уровень жизни не ниже, чем в любой другой стране. Очевидно, что эта программа, представляющая собой вызов и угрозу для всех других народов, не может быть реализована иначе, как при установлении Германией своей гегемонии во всем мире.

Ни социализм, ни тоталитаризм, ни национализм не являются отличительными признаками нацизма. Сегодня во всех странах «прогрессисты» жаждут заменить капитализм социализмом. Пребывая в состоянии войны с германской агрессией, Великобритания и США шаг за шагом перенимают немецкую модель социализма. Общественное мнение обеих стран абсолютно уверено, что во время войны всестороннее государственное регулирование экономики неизбежно, а многие видные политики и миллионы избирателей решительно намерены и после войны сохранить социализм в качестве нового общественного порядка. Ни диктатура, ни насильственное подавление инакомыслящих не являются исключительными чертами нацизма. Они характерны для советской политической системы и в силу этого поддерживаются по всему миру многочисленными друзьями современной России. Национализм, являющийся, как будет показано в этой книге, следствием государственного вмешательства в экономику, в наше время определяет внешнюю политику всех стран. Для нацистов как таковых характерна особая разновидность национализма – стремление к завоеванию жизненного пространства.

Эта цель нацистов в принципе не отличается от целей старых немецких националистов, самая радикальная группа которых в тридцатилетие, предшествовавшее Первой мировой войне, называла себя *Alldeutsche* (пангерманисты). Именно эти амбиции втравили кайзеровскую Германию в Первую мировую войну, а через 25 лет стали причиной Второй мировой войны.

Программу *Lebensraum* нельзя вывести из идеологии или прецедентов истории Германии последних пяти столетий. Как и у всех других народов, у немцев были свои шовинисты. Шовинизм не следует смешивать с национализмом. Шовинизм заключается в завышенной оценке достоинств и достижений своего народа и пренебрежении к другим народам; сам по себе он не ведет ни к каким действиям. Национализм же представляет собой проект политических и военных действий и попытку его реализации. История Германии, подобно истории других стран, знает правителей, жаждавших завоеваний, но эти императоры, короли и герцоги стремились к богатству и власти для себя и своего рода, а не к жизненному пространству для своих народов. Агрессивный германский национализм – феномен последних 60 лет. Он порожден современной экономикой и экономической политикой.

Не следует смешивать национализм и со стремлением к народному правительству, национальному самоопределению и политической независимости. Когда в XIX в. немецкие либералы стремились вместо тирании 30 с лишним мелких правителей создать единую демократическую Германию, они не вынашивали враждебных замыслов против других народов. Они хотели избавиться от деспотизма и установить парламентское правление. Они не мечтали о завоеваниях и территориальной экспансии и не намеревались включить в состав задуманной ими единой Германии польские и итальянские территории, завоеванные их правителями. Напротив, они сочувствовали стремлению польских и итальянских либералов к созданию независимых демократических государств в Польше и Италии. Немецкие либералы мечтали о

повышении благополучия немецкого народа, но не считали, что их народу пойдет на пользу угнетение других народов и причинение вреда иностранцам.

Национализм не тождественен и патриотизму. Патриотизм направлен на обеспечение благоденствия собственного народа, его процветания и свободы. Национализм – лишь один из методов, предлагаемых для достижения этих целей. Но либералы утверждают, что рекомендуемые национализмом методы непригодны и что их применение не только не приведет к поставленным целям, но, напротив, окажется бедствием для народа. Либералы также являются патриотами, но их представления о величии и правильных способах достижения национального процветания решительно отличаются от того, что предлагают националисты. Либералы рекомендуют режим свободной торговли, международной специализации, сотрудничества и дружбы между народами не из заботы об иностранцах, а ради счастья собственного народа.

Национализм пытается обеспечить благополучие для всего народа или отдельных групп граждан за счет причинения вреда иностранцам. Самый известный метод современного национализма – дискриминация иностранцев в сфере экономики. Иностранцы не допускаются на рынки страны вовсе или лишь с уплатой таможенных пошлин. Иностранцам запрещено выступать в качестве конкурентов на отечественном рынке труда. Иностранный капитал подлежит конфискации. Если обиженная сторона чувствует себя в силах с помощью оружия добиться отмены мер, вредящих ее собственному благополучию, война станет естественным результатом экономического национализма. Государственная политика образует единое целое.

Внешняя и внутренняя политика тесно связаны между собой, они влияют друг на друга и образуют единую систему. Точно так же как свободная торговля была дополнением режима внутренней экономической свободы, экономический национализм является следствием современной внутренней политики вмешательства в экономику и государственного планирования. Внутренняя экономическая свобода может сочетаться с протекционизмом, но в ее отсутствие протекционизм неизбежен. Власть правительства ограничена территорией страны. У него нет возможности напрямую влиять на ситуацию в других странах. В условиях экономической свободы иностранная конкуренция может, пусть даже на короткий срок, помешать успеху государственного вмешательства в дела отечественных предприятий. Если внутренний рынок до известной степени не изолирован от иностранных рынков, ни о каком государственном регулировании не может идти речи. Чем дальше страна зашла по пути государственного регулирования и регламентации, тем ближе она к экономической изоляции. Международное разделение труда начинает вызывать подозрения, поскольку ограничивает полноту власти правительства. Тогда внутренняя экономическая политика тяготеет к автаркии; таков результат стремления к главенству государства в экономических вопросах.

В мире свободной торговли и демократии нет стимулов для войн и завоеваний. В таком мире не имеет значения обширность территории, на которую распространяется государственный суверенитет. Граждане такой страны не получают никаких выгод от присоединения соседних территорий. Благодаря этому территориальные конфликты могут рассматриваться беспристрастно; можно без особых душевных терзаний проявить справедливость по отношению к требованиям других народов о самоопределении. В условиях свободной торговли Великобритания щедро предоставляла своим заморским колониям статус доминионов, т. е. фактической автономии и политической независимости, и уступила Ионийские острова Греции. Швеция не прибегла к военной силе, чтобы предотвратить отделение Норвегии; королевский дом Бернадотов утратил норвежскую корону, но рядовым гражданам Швеции было безразлично, является ли их король также и сувереном Норвегии. В эпоху либерализма люди верили, что плебисциты и решения международного трибунала способны мирно разрешать все международные конфликты. Считалось, что еще предстоят отдельные войны и революции, потому что необходимо сокрушить последних тиранов и разрушить сохранившиеся торговые барьеры. Но когда

эта цель будет достигнута, причины для войн исчезнут. Человечество сможет направить все силы на повышение всеобщего благосостояния.

Но, предаваясь описанию благоденствия в мире либеральной утопии, филантропы не заметили усиления новых идеологий, приготовившихся вытеснить либерализм и утвердить новый порядок, чреватый антагонизмами, для которых не удастся найти мирного решения. Они не увидели этого, потому что рассматривали новые умонастроения и политический курс как продолжение и воплощение основных принципов либерализма. Антилиберализм завладел общественным мнением под личиной истинного и подлинного либерализма. Сегодня псевдолибералы поддерживают программы, совершенно несовместимые с принципами и доктринами старого либерализма. Они поносят частную собственность на средства производства и рыночную экономику, восторгаясь тоталитарными методами управления экономикой. Они требуют создания всемогущего государства и прославляют любые меры, усиливающие власть чиновничества и правительственных агентств. Они объявляют реакционером и экономическим роялистом каждого, кто не разделяет их страсть к регламентации.

Самозванные либералы и прогрессисты искренне убеждены, что являются истинными демократами. Но их представление о демократии совершенно противоположно тому, которое существовало в XIX в. Путая демократию с социализмом, они не только не видят того, что демократия и социализм несовместимы, но еще и верят, что социализм – это и есть подлинная демократия. Из-за этой ошибки они рассматривают Советскую власть как разновидность народного правления.

Европейские правительства и парламенты уже более 60 лет стремятся стреножить рынок, установить контроль над экономикой и подавить капитализм. Беспечно игнорируя все предупреждения экономистов, они возвели торговые барьеры, поощряли политику кредитной экспансии и дешевых денег и взяли курс на возобновление политики регулирования цен, установления минимума заработной платы и субсидирование отдельных отраслей и предприятий. Они превратили налогообложение в инструмент конфискации и экспроприации и провозгласили безудержные государственные расходы лучшим способом увеличения богатства и повышения благосостояния. Но когда неизбежные последствия такой политики, изначально предсказанные экономистами, стали очевидными, общественное мнение обвинило в этом не свою излюбленную политику, а капитализм. В глазах публики главной причиной экономической депрессии, безработицы, инфляции и роста цен, монополизма и пустой растраты ресурсов, социальных волнений и войны является не антикапиталистическая политика, а капитализм.

Роковой ошибкой, которая сорвала все планы сохранения мира, было именно непонимание людьми того, что только в мире чистого, совершенного и нестесненного капитализма отсутствуют стимулы для агрессии и завоевания. Президент Вильсон руководствовался идеей, что к войне склонны лишь самодержавные режимы, а демократии, не имея возможности извлечь какие-либо выгоды из завоеваний, склонны к миру. Президент Вильсон и другие основатели Лиги наций не поняли того, что эта идея верна только при условии частной собственности на средства производства, свободного предпринимательства и нестесненной рыночной экономики. Где нет экономической свободы, там все совершенно иначе. В современном мире этатизма<sup>2</sup>[3], где каждый народ стремится к изоляции и автаркии, нельзя утверждать, что человек не получает никакой выгоды от завоевания. В наше время торговых и миграционных барьеров, валютного контроля и экспроприации иностранного капитала война и завоевания могут доставить массу выгод. Почти каждый гражданин кровно заинтересован в противодействии политике иностранных государств, которая может ущемить его материальный интерес. Поэтому нет

---

<sup>2</sup> Термин *etatism* (от франц. *état* – государство) кажется мне более удачным, чем *statism* (от англ. *state* – государство. – Прим. перев.). Он ясно выражает тот факт, что идеология этатизма возникла не в англосаксонском мире и была усвоена им только позднее.

ничего удивительного в том, что почти каждый гражданин хочет видеть свою страну сильной и могущественной: он рассчитывает получить выгоду от ее военной мощи. Расширение территории, на которую распространяется суверенитет его правительства, означает по меньшей мере, что иностранные правительства больше не смогут причинять ему ущерб.

Мы можем на мгновение отвлечься от вопроса, способна ли демократия выжить при социализме или в условиях систематического вмешательства государства в экономику. В любом случае не подлежит сомнению, что в условиях этатизма рядовые граждане делаются агрессивными, когда обстоятельства сулят военный успех. Малые народы не в силах защитить себя от экономического национализма других народов. Но большие народы верят в несокрушимость своих вооруженных сил. В наши дни воинственность не является следствием алчности правителей или олигархии крупных землевладельцев; она есть результат политики групп давления, отличительная черта которой не стимулы и мотивы, а используемые методы. Сражаясь против экономического национализма других народов, немецкие, итальянские и японские рабочие стремятся к повышению своего уровня жизни. Однако они глубоко заблуждаются: избранные методы не годятся для достижения их целей. Но их ошибки согласуются с широко распространенными в наши дни доктринами классовой войны и социальной революции. Империализм стран Оси[4] не является политикой, вырастающей из целей высшего класса. Пользуясь ложной концепцией вульгарного марксизма, следовало бы назвать ее рабочим империализмом. Перефразируя знаменитое высказывание генерала Клаузевица, можно сказать: это всего лишь продолжение внутренней политики иными средствами; это внутренняя классовая война, перенесенная в сферу международных отношений.

Более 60 лет европейские народы стремились наделить свои правительства все большей властью, расширить сферу государственного сдерживания и принуждения, подчинить государству все виды человеческой деятельности. При этом пацифисты не уставали повторять, что отдельному гражданину нет дела до того, велика его страна или мала, слаба или могущественна. Они превозносили блага мира, тогда как миллионы людей по всей земле связывали свои надежды с агрессией и завоеванием. Пацифисты не понимали, что обеспечить прочный мир можно лишь устранив основные причины войны. Нужно признать, что пацифисты делали робкие попытки противостоять экономическому национализму. Но они никогда не атаковали его конечную причину – этатизм (политику государственного регулирования экономики), а потому все их попытки были обречены на провал.

Конечная цель пацифистов состоит в создании надгосударственной всемирной организации, которая сможет мирно разрешать конфликты между народами и проводить свои решения в жизнь с помощью надгосударственных сил безопасности. Но для удовлетворительного решения самой острой проблемы международных отношений требуется не новая организация со своими комитетами, секретарями, спецуполномоченными, отчетами и нормативами, не новые вооруженные силы миротворцев, а радикальный отказ от умонастроений и внутренней политики, порождающих конфликты. Причиной прискорбного провала женеvского эксперимента[5] как раз и была неспособность людей, зараженных бюрократической верой в этатизм, понять, что организации и клерки не в силах решить ни одной проблемы. Существование надгосударственных властных структур и международного парламента имеет второстепенное значение. Самое главное, необходимо отказаться от политического курса, причиняющего ущерб другим народам. Если экономические войны будут продолжаться, никакая международная власть не сможет обеспечить мир. В современную эпоху международного разделения труда свобода торговли является необходимым условием любых дружественных соглашений между народами. А в мире этатизма свобода торговли невозможна.

Диктаторы предлагают нам иное решение. Они планируют установить «новый порядок», систему мировой гегемонии одного народа или группы народов, опирающихся на силу победоносных армий. Немногие привилегированные будут господствовать над огромным большин-

ством «низших» рас. Этот «новый порядок» представляет собой очень старую концепцию. К нему стремились все завоеватели; предшественниками фюрера были Чингисхан и Наполеон. История свидетельствует о провале множества попыток навязать мир с помощью войны, сотрудничество – методами насилия, единодушие – уничтожением несогласных. Гитлер преуспеет не более, чем остальные. Утвердить прочный мир при помощи штыков невозможно. Меньшинство не может править без согласия тех, кем оно управляет; даже в случае временного успеха рано или поздно восстание угнетенных опрокинет такую власть. Но у нацистов нет шансов и на кратковременный успех. Их замысел обречен.

## II

В фокусе нынешнего кризиса цивилизации находится Германия. Более половины столетия Рейх был нарушителем мира. В течение 30 лет перед Первой мировой войной главной заботой европейской дипломатии было сдерживание Германии с помощью всевозможных планов и уловок. Если бы не воинственность Германии, то ни имперские притязания царей, ни конфликты и соперничество различных народов Юго-Восточной Европы не смогли бы серьезно нарушить спокойствие в мире. Когда в 1914 г. политика умиротворения провалилась, проснулись силы ада.

Плоды добытой союзниками победы были утрачены из-за просчетов мирных договоров, ошибок послевоенной политики и господства экономического национализма. В сумятице послевоенного времени, когда каждый народ стремился нанести как можно более ощутимый ущерб другим народам, у Германии были все возможности подготовиться к еще более чудовищной агрессии. Но для нацистов ни Италия, ни Япония не являются равными партнерами. Новая война – это немецкая война, каковой была и Первая мировая.

Без понимания основных фактов истории Германии невозможно постичь фундаментальные проблемы этой самой страшной из войн в истории человечества. Сто лет назад немцы были совсем не такими, как сегодня. В то время у них не было планов превзойти гуннов[6] и затмить Аттилу. Их кумирами были Шиллер и Гёте, Гердер и Кант, Моцарт и Бетховен. Их путеводной звездой была свобода, а не завоевание и подавление. Каждый, кто хочет сформировать собственное представление о современной мировой политике и ее проблемах, должен знать стадии процесса, превратившего народ, некогда называемый народом поэтов и мыслителей, в безжалостную банду нацистских штурмовиков. Понимание источников и целей нацистской агрессии имеет чрезвычайную важность как для ведения войны, так и для формирования устойчивого послевоенного порядка. Возможно, более полное и отчетливое уяснение сущности и сил немецкого национализма позволило бы избежать многих ошибок и жертв.

Задача данной книги в том, чтобы обрисовать основные изменения и события, приведшие к современному положению дел в Германии и в Европе. Я стремлюсь прояснить распространенные заблуждения, возникшие в результате искажения исторических фактов и неверного понимания экономического развития и политики. В этой книге затрагиваются как исторические вопросы, так и фундаментальные проблемы социологии и экономики. Я попытался осветить все точки зрения, разъяснение которых необходимо для полного описания мировых проблем нацизма.

### III

В истории последних двух столетий прослеживаются два различных идеологических направления. Первым было движение к свободе, укреплению прав человека и гарантиям самоопределения. Индивидуализм привел к падению монархических режимов, установлению демократических правительств, развитию капитализма, технологическому прогрессу и беспрецедентному повышению уровня жизни. Просвещение сменило религиозные суеверия, научные методы исследований вытеснили вековые предрассудки. Это была эпоха грандиозных художественных и научных достижений, время бессмертных музыкантов, художников, писателей и философов. Были уничтожены рабство, крепостное право, пытки и прочие пережитки Средневековья.

Во второй половине этого периода движение к индивидуализму сменилось движением к всемогуществу государства. Теперь людьми овладело стремление наделить всевозможными полномочиями свои правительства, т. е. общественный аппарат социального сдерживания и принуждения. Их целью стал тоталитаризм, т. е. такой порядок, когда всеми делами людей управляет государство. Каждый шаг на пути расширения государственного вмешательства превозносился как шаг к более совершенному миру; возникла уверенность, что правительства превратят землю в райское место. Характерно, что сегодня в странах, особенно далеко зашедших по пути тоталитаризма, даже организация личного досуга считается делом государства. В Италии *dopolavoro*[7], а в Германии *Freizeitgestaltung*[8] являются законной сферой государственного вмешательства. Люди настолько запутались в доктринах культа государства, что даже не замечают этого парадокса – государственное регулирование личного времени.

В задачу этой книги не входит рассмотрение *культа государства*, или *этатизма*. В ней исследуются только последствия этатизма для международных отношений. В нашу эпоху международного разделения труда тоталитаризм, ограниченный национальными границами, внутренне противоречив. Экономические соображения толкают любое тоталитарное правительство к мировому господству. Советское правительство было задумано не как национальное, а как мировое правительство, и только неблагоприятные условия отдалили установление его власти над всем миром. В официальном названии режима нет даже упоминания о России. Ленин создавал ядро мирового правительства. Во всех странах есть партии, хранящие верность Советам и считающие свои национальные правительства узурпаторами. И не заслуга большевиков, что эти амбициозные планы до сих пор не реализованы и ожидаемая мировая революция еще не свершилась. Нацисты не стали менять официальное название своей страны – Германский рейх[9]. Но их идеологи считают власти рейха единственным законным правительством, а их политические вожаки открыто рвутся к мировому господству. Интеллектуальные вожди Японии прониклись духом этатизма в европейских университетах, а вернувшись домой, оживили древнюю догму, что их божественный император, сын Неба, предназначен править всеми народами. Даже дуче, несмотря на военное бессилие его страны, объявил о намерении восстановить древнюю Римскую империю. Испанские фалангисты[10] лепечут о восстановлении владений Филиппа II.

В такой атмосфере места для мирного сотрудничества между народами не остается. Суровое испытание, выпавшее в наши дни на долю человечества, – это не результат действия неуправляемых сил природы. Скорее, это закономерный результат популярных доктрин и политики, поддерживаемой миллионами наших современников.

Но было бы роковой ошибкой полагать, что возврат к политике либерализма, несколько десятилетий назад отброшенной цивилизованными народами, позволит исцелиться от этих наваждений и откроет дорогу к мирному сотрудничеству народов и процветанию. Если бы европейцы и расселившиеся по всему миру выходцы из Европы не прониклись идеалами эта-

тизма, если бы они не реализовали грандиозные планы государственного вмешательства в экономику, недавних политических, социальных и экономических бедствий можно было бы избежать. И сегодня люди жили бы в более удовлетворительных условиях и не отдавали бы все свои силы и способности взаимному уничтожению. Но годы конфликтов и антагонизмов оставили глубокий след в умонастроении людей, который не так легко изжить. Были затронуты души, разрушен дух сотрудничества, посеяна ненависть, и на преодоление всего этого потребуются столетия. В нынешних условиях принятие цивилизованными народами Запада бескомпромиссной политики *laissez faire, laissez passer* было бы эквивалентно безоговорочной капитуляции перед тоталитарными народами. Возьмите, к примеру, миграционные барьеры. Сегодня неограниченная свобода иммиграции в Америку, Австралию и Западную Европу равносильна распахнутым дверям перед авангардом армий Германии, Италии и Японии.

На сегодняшний день нет другой системы, способной обеспечить надежную координацию мирных усилий народов и отдельных людей, кроме так называемого манчестеризма [11]. При всей шаткости подобных упований можно надеяться, что народы западных демократических стран будут готовы признать этот факт и отвергнуть сегодняшние тоталитарные тенденции. Но не может быть сомнений, что для подавляющего большинства человечества идеи милитаризма обладают куда большей привлекательностью, чем либеральные идеалы. В ближайшем будущем можно надеяться самое большее на разделение мира на два лагеря: либеральный, демократический и капиталистический Запад, где живет примерно четверть мирового населения, и милитаристский и тоталитарный Восток, охватывающий куда большую часть земной поверхности и населения. Такое положение вещей навязывает Западу политику обороны, которая серьезно затруднит усилия сделать жизнь более цивилизованной и процветающей.

Однако даже эта мрачная перспектива может оказаться чрезмерно оптимистичной. Не видно признаков того, что народы Запада готовы отказаться от политики этатизма. Но в таком случае они не смогут отказаться от взаимной экономической войны, от экономического национализма и не смогут установить мирные отношения между своими странами. Тогда мы вновь окажемся в ситуации, с которой мир однажды уже не справился в период между двумя мировыми войнами. Результатом станет третья война, еще более ужасная и разрушительная, чем предшествовавшие. Последняя часть книги посвящена обсуждению условий, которые могут обеспечить западным демократиям хотя бы относительную политическую и экономическую безопасность. Там я также пытаюсь выяснить, можно ли разработать некий план, который бы обеспечил прочный мир в нашу эпоху всемогущества государства.

## IV

Главным препятствием для беспристрастного изучения современных социальных, политических и экономических проблем, а также для всех попыток выдвинуть более приемлемую политику, чем та, которая привела к нынешнему кризису цивилизации, является упертый, бескомпромиссный догматизм нашего времени. Народы охвачены новой разновидностью идолопоклонства – культом государства. Люди требуют наказаний и принуждения, грозят бедами и насилием каждому, кто не преклоняет колени перед новомодными идолами!

Это совершенно бесспорно в отношении сегодняшних России и Германии. Можно назвать русских и немцев варварами и заявить, что такого не может случиться с цивилизованными народами Запада, но это не изменит положение вещей. На Западе осталась лишь горстка сторонников терпимости. И левые, и правые партии повсеместно относятся к свободе мысли с чрезвычайной подозрительностью. Весьма характерно, что в эти годы отчаянной борьбы против нацистской агрессии известный своими просоветскими настроениями британский автор имеет дерзость доказывать полезность инквизиции. «Инквизиция, – пишет Дж. Кроутер, – полезна для науки, когда защищает интересы поднимающегося класса»<sup>3</sup>. Ибо «опасность или достоинство инквизиции зависят от того, используется ли она от имени реакционного или прогрессивного правящего класса»<sup>4</sup>. Но кто «прогрессивен», а кто «реакционен»? Относительно этого вопроса между Гарольдом Ласки и Альфредом Розенбергом есть примечательная разница.

Конечно, за пределами России и Германии инакомыслящие пока что не рискуют быть осужденными на расстрел или медленную смерть в концентрационном лагере<sup>5</sup>. Но мало кто обращает серьезное внимание на их идеи. Если человек пытается оспорить доктрину этатизма или национализма, вряд ли кто-либо возьмется за тщательное изучение его аргументов. Еретиков высмеивают, оскорбляют, игнорируют. Критика взглядов влиятельных групп или сомнения в благотворности государственного всевластия стали восприниматься как нахальство или дурной тон. Набор догм, усвоенных общественным мнением, все в большей степени оказывается вне критики. Во имя свободы и прогресса сами прогресс и свобода постепенно оказываются вне закона.

Защита доктрины с помощью полиции, угроз и насилия – свидетельство ее внутренней слабости. Даже не имей мы иных методов оценки нацистских доктрин, достаточной уликой послужил бы один-единственный факт, что они нуждаются в покровительстве гестапо. Идеи, способные выдержать испытание логикой и разумом, могут обойтись без преследования скептиков.

Нельзя взваливать всю ответственность за эту войну на нацизм. Неспособность других народов вовремя остановить нацизм и воспрепятствовать новой немецкой агрессии способствовали этой катастрофе в той же мере, что и внутренняя эволюция Германии. Притязания нацистов ни для кого не были секретом. Сами нацисты афишировали их в бесчисленных книгах и брошюрах, в каждом номере многочисленных газет и журналов. Никто не может обви-

---

<sup>3</sup> Crowther, *Social Relations of Science* (London, 1941), p. 333.

<sup>4</sup> *Idem*, p. 331.

<sup>5</sup> Фашизм также представляет собой крайне жестокую тоталитарную систему. Но пока еще сохраняются небольшие различия между фашизмом, с одной стороны, и нацизмом и большевизмом – с другой. Философ и историк Бенедетто Кроче живет в Неаполе под пристальным надзором полиции, но ему разрешается писать, и он опубликовал несколько книг, исполненных духа демократии и любви к свободе. Профессор Антонио Грациадеи, коммунист и бывший член итальянского парламента, упорно хранит верность своим коммунистическим идеям. При этом он живет в Италии, пишет и публикует (в самых известных издательствах Италии) ортодоксальные марксистские работы. Есть и другие примеры такого рода. Эти исключительные факты не изменяют характерных черт фашизма, но историк не имеет права их игнорировать.

нить нацистов в том, что они тайно готовились к осуществлению своих планов. Имеющий уши, чтобы слышать, и глаза, чтобы видеть, не мог не знать об их намерениях.

Ответственность за нынешнее состояние дел в мире лежит на доктринах и партиях, определявших развитие политики в последние десятилетия. Обвинение в адрес нацистов не снимает ответственности с виновных. Да, нацисты и их союзники – отъявленные злодеи. Но ведь главной целью политиков и должна быть защита народа от враждебных замыслов злодеев. Не будь дурных людей, не было бы и нужды в правительстве. Если те, кто несет ответственность за работу правительства, не сумели предотвратить беды, это означает, что они не справились со своей задачей.

В последние 25 лет на повестке дня не было политической задачи важнее, чем предотвращение этой войны. Но политики были либо поражены слепотой, либо продемонстрировали полную неспособность хоть что-то противопоставить надвигающейся катастрофе.

Левые партии заняли удобную позицию, ведя себя так, как будто на них снизошло откровение, сообщившее им, что хорошо и что плохо. Они знают, что источник всех бед – частная собственность и что общественный контроль над средствами производства превратит землю в рай. Они умывают руки, снимая с себя всякую ответственность; эта «империалистическая» война, как и все войны, случавшиеся в прошлом, является прямым следствием капитализма. Но если присмотреться к политической деятельности социалистических и коммунистических партий Европы, мы сразу обнаружим, что они сделали все возможное, чтобы подтолкнуть нацистов к реализации их агрессивных планов. Прежде всего пропагандой идеи, что нейтралитет и разоружение – лучшее средство остановить нацистов и другие державы Оси. Разумеется, в их планы не входило помогать нацистам. Но имей они такое намерение, трудно придумать лучший способ его реализовать.

Идеалы левых полностью воплощены в Советской России. Здесь правит пролетариат, и марксизм является господствующим учением. Но попытки Советской России предотвратить эту войну провалились еще более плачевно. Русские прекрасно знали, что нацисты жаждут захватить Украину. Тем не менее они делали все, чего хотел от них Гитлер. Их политика в значительной степени способствовала приходу нацистов к власти в Германии, перевооружению Германии и, наконец, началу этой войны. Их не извиняет то, что они не доверяли всем капиталистическим странам. Политике, препятствующей достижению собственных целей, не может быть оправданий. Невозможно отрицать, что заключенный в августе 1939 г. договор обернулся для России катастрофой. Сталин оказал бы бóльшую услугу своей стране, если бы сотрудничал с Великобританией, вместо того чтобы вступать в дружественные отношения с нацистами.

То же самое можно сказать о поведении всех других стран Европы. Трудно представить более глупую политику, чем аннексия части Чехословакии Польшей в 1938 г. или ухудшение отношений между Бельгией и Францией в 1936 г. Судьба поляков, чехов, норвежцев, голландцев, греков и югославов заслуживает глубочайшего сочувствия. Но нельзя не отметить, что они сами навлекли на себя все эти бедствия. Знай нацисты, что с самого начала им будет противостоять находящаяся под единым командованием коалиция вооруженных сил Великобритании, Франции, России и США, а также всех малых демократических стран Европы, *второй* Мировой войны просто бы не было.

Исследование глубинных причин прихода нацистов к власти должно показать не только роль событий в Германии, но и то, почему все другие народы не смогли защитить себя от разорения. Для британца, поляка или австрийца главным должен быть не вопрос «что не так с нацистами?», а вопрос «что было не так с нашей политикой противостояния нацистской угрозе?» Столкнувшись с проблемой туберкулеза, врачи не спрашивают: «Что не так с палочкой Коха?» Их интересует другое: «Что не так с нашими методами борьбы с распространением инфекции?»

Жизнь заключается в приспособлении к реальности, и мы должны воспринимать мир таким, каков он есть, а не таким, каким нам хотелось бы его видеть. В мире без микробов и воинственных варваров жилось бы намного лучше. Но чтобы добиться успеха, нужно сосредоточиться на реальности, а не предаваться пустым мечтаниям.

Пока народы не поймут, что они потерпели полное фиаско в решении главной задачи современной политики, не стоит надеяться на возвращение к более удовлетворительному положению вещей. Все современные политические, социальные и экономические доктрины, а также все партии и политические круги, взявшие их на вооружение, виновны перед судом истории; приговор окончателен и обжалованию не подлежит. Бессмысленно ждать от будущего изменений к лучшему, пока люди не осознают, что следовали неверным путем.

В признании того факта, что какая-то страна проводила негодную политику, приведшую к катастрофическим результатам, нет ни малейшей враждебности ни к одному народу. В признании того, что некий класс, политическая группа или организация, заблуждаясь, внесли свой вклад в нынешнее плачевное положение дел, нет враждебности к отдельным людям. Главной задачей современной общественной науки является снятие всех табу, которыми укоренившиеся доктрины пытаются защитить от критики свои заблуждения и ошибки. Тот, кто перед лицом ужасающей катастрофы, последствия которой можно будет оценить только со временем, все еще верит, что какие-то доктрины, институты или политика стоят вне критики, тот не понял смысла предзнаменований.

Пусть пример Германии станет предостережением для всех. Немецкая *Kultur* была обречена в тот день 1870 г., когда один из самых видных немецких ученых – Эмиль Дюбуа-Реймон – смог публично похвастаться, не встретив никаких возражений, что Берлинский университет служит «интеллектуальным телохранителем дома Гогенцоллернов». Там, где университеты становятся телохранителями, а ученые жаждут занять свое место на «научном фронте», уже широко распахнуты двери для варварства. Тщетны надежды победить тоталитаризм с помощью тоталитарных методов. Свободу могут завоевать только люди, безоговорочно преданные принципам свободы. Для улучшения общественного устройства прежде всего необходимо вернуть неограниченную свободу мысли и слова.

## V

Для того чтобы разобраться в нынешнем состоянии политических дел, необходимо знать историю, знать силы, породившие наши проблемы и конфликты. Тем, кто хочет построить более совершенный мир, необходимо историческое знание.

К сожалению, националисты совсем иначе подходят к истории. Для них прошлое является не источником информации и наставления, а арсеналом оружия для ведения войны. Они выискивают факты, которые могут быть использованы для объяснения и оправдания их стремления к агрессии и подавлению. Если такого рода фактов не удастся найти в документах, они не брезгают подтасовками и фальсификациями.

В начале XIX в. один чех подделал рукопись [12], чтобы доказать, что средневековые предки его народа достигли высокого уровня цивилизации и создавали произведения изящной словесности. Многие десятилетия чешские ученые фанатично доказывали подлинность этой поэмы, которая долгое время входила в официальный курс чешских государственных гимназий, а ее чтение и толкование были главным стержнем изучения чешской литературы. Спустя полвека немец подделал «Хроники Ура-Линда» [13], чтобы доказать, что «нордические племена» создали более древнюю и высокую цивилизацию, чем любые другие народы. Некоторые нацистские профессора до сих пор не готовы признать, что эти хроники представляют собой топорную фальшивку, изготовленную невежественным и тупым провинциалом. Но предположим, что оба документа подлинны. Какое значение они могут иметь для националиста? Разве они оправдывают отказ чехов предоставить самоуправление миллионам немцев и словаков или отказ немцев предоставить права автономии всем чехам?

Существует, к примеру, бессмысленный спор о национальности Николая Коперника – был ли он поляком или немцем. Имеющиеся документы не дают ответа. Можно определенно утверждать только то, что Коперник получил образование в школах и университетах, где преподавание велось исключительно на латыни, что он не знал никаких трудов по математике и астрономии, кроме написанных на греческом и латыни, и что свои работы он писал только на латыни. Но предположим, что родным языком его родителей был немецкий. Будет ли это достаточным оправданием того, как немцы обходятся с поляками? Оправдывает ли это немецких учителей, которые – в первое десятилетие нашего века – пороли малышей, чьи родители возражали против замены польского катехизиса на немецкий в населенных поляками районах Пруссии? Дает ли это нацистам право на массовое убийство польских женщин и детей?

Выдвигать исторические или географические доводы в пользу политических притязаний, не совместимых с демократическими принципами, бессмысленно. Демократическое правительство может сохранить мир и международное сотрудничество, потому что оно не стремится к угнетению других народов. Мир невозможен, когда отдельные народы претендуют на право поработать другие расы, страны или народы, ссылаясь на исторические или географические обстоятельства.

Просто поразительно, насколько глубоко укоренены порочные идеи гегемонии, господства и подавления в умах даже самых выдающихся современников. Сеньор Сальвадор де Мадариага – подлинный интернационалист. Этот ученый, государственный деятель и писатель – превосходный знаток английского и французского языка и литературы. Он демократ, сторонник прогресса и преданный сторонник Лиги наций и всех проектов достижения прочного мира. При этом его отношение к политическим проблемам собственной страны и родного народа исполнено духа непреклонного национализма. Он осуждает басков и каталонцев, требующих независимости, и, опираясь на расовые, исторические, географические, лингвистические, религиозные и экономические соображения, обосновывает доминирующее положение Кастилии. Было бы оправданно, если бы сеньор Мадариага отвергал притязания этих лингви-

стических групп на том основании, что невозможно провести бесспорные границы, а потому их независимость не разрешит, а увековечит конфликт; либо если бы он был сторонником превращения испанского государства, в котором доминирует кастильская культура, в государство, где все лингвистические группы имели бы полную свободу использовать собственные языки. Но сеньор Мадариага имеет в виду совсем другое. Он не является сторонником установления в Испании вместо кастильского правительства наднационального правительства трех языковых групп – кастильцев, каталонцев и басков. Его идеал – это Испания при верховенстве Кастилии. Он не хочет, чтобы на протяжении жизни одного поколения «Испания выпустила из рук достижения многих поколений»<sup>6</sup>. Однако все эти достижения – результат династических браков, а не плоды усилий соответствующих народов. Разумно ли оспаривать утверждение каталонцев, что в XII в. граф Барселонский взял в жены дочь короля Арагонского, а в XV в. король Арагонский женился на королеве Кастильской[14]?

Сеньор Мадариага идет дальше и отрицает право португальцев на автономию и собственное государство. Потому что «португалец – это испанец, спина которого в Кастилии, а глаза устремлены в Атлантику»<sup>7</sup>. Почему же тогда Испания не присоединила Португалию? На это сеньор Мадариага дает странный ответ: «Кастилия не может одновременно быть в браке с Востоком и с Западом»; вероятно, Изабелле, «которая, в конце концов, была женщиной... больше приглянулся не Альфонс, а Фердинанд[15], потому что ведь и такие вещи делают историю»<sup>8</sup>.

Сеньор Мадариага разумно выбрал для цитирования видного испанского автора, Анхеля Ганивета, утверждающего, что союз Испании и Португалии должен быть результатом «их собственного свободного выбора»<sup>9</sup>. Но беда в том, что португальцев не привлекает перспектива кастильского или испанского владычества.

Еще удивительней представления сеньора Мадариаги о колониальной и международной политике Испании. Говоря об американских колониях, он замечает, что испанская монархия создала их в духе «верности руководящему принципу – братства всех людей»<sup>10</sup>. Однако Боливару, Сан Мартину и Морелосу[16] эта разновидность братства была совсем не по душе. Затем сеньор Мадариага пытается оправдать испанские притязания на Марокко ссылкой на «положение Испании, представляющееся бесспорно predetermined историческими и географическими обстоятельствами»<sup>11</sup>. Непредубежденный читатель вряд ли обнаружит разницу между таким «предопределением» и мистическими силами, которыми гг. Гитлер, Муссолини и Сталин оправдывают захват малых государств. Если историческое «предопределение» оправдывает испанские притязания на Марокко, разве оно же не является достаточным основанием для притязаний русских на Прибалтику и Кавказ, немцев – на Богемию и Голландию, итальянцев – на господство в Средиземноморье?

Невозможно вычеркнуть прошлое из памяти. Но в задачу историков не входит разжигание новых конфликтов посредством воскрешения давно забытой ненависти и поиск в архивах предлогов для новых конфликтов. Мы не обязаны мстить за преступления, совершенные столетия назад королями и завоевателями; мы должны созидать новый и более совершенный мировой порядок. Никакого отношения к проблемам нашего времени не имеет вопрос, кто первым совершил агрессию и посеял семена древней вражды между поляками и русскими или чьи зверства омерзительнее – современных нацистов или наемников пфальцграфа Людвига IV[17].

---

<sup>6</sup> Madariaga, *Spain* (London, 1942), p. 176.

<sup>7</sup> Madariaga, *op. cit.*, p. 185.

<sup>8</sup> *Idem*, p. 187.

<sup>9</sup> *Idem*, p. 197.

<sup>10</sup> *Idem*, p. 49.

<sup>11</sup> Madariaga, *op. cit.*, p. 200.

Наш долг раз и навсегда исключить возможность повторения подобных эксцессов. Лишь эта цель может сделать эту войну благороднейшим из деяний человечества. Безжалостное уничтожение нацизма – это первый шаг к свободе и миру.

Ни судьба, ни история, ни география, ни антропология не должны помешать нам в выборе тех методов организации общества, которые способны обеспечить прочный мир, международное сотрудничество и экономическое процветание.

# Часть I Крах либерализма в Германии

## Глава I Либерализм в Германии

### 1. Старый порядок и либерализм

Было бы фундаментальной ошибкой понимать дело так, что нацизм представляет собой воскрешение или продолжение политики и умонастроения *ancien régime*[18] или проявление «прусского духа». Ни нацизм, ни предшествовавший ему и нашедший в нем свое развитие пангерманизм не являются порождением пруссачества в духе Фридриха Вильгельма I или Фридриха II, прозванного Великим. В намерения пангерманистов и нацистов никогда не входило восстановление политики курфюрстов Бранденбургских или первых четырех королей Пруссии. Иногда они заявляли, что мечтают восстановить утраченный рай старой Пруссии, но это была лишь пропаганда для публики, почитающей героев ушедших дней. Нацистская программа предусматривает не возрождение чего-то прошлого, а установление совершенно нового и неслыханного.

Прусское государство Гогенцоллернов было полностью разрушено французами в битвах при Йене и Ауэрштадте (1806). Прусская армия была окружена в Пренцлау и Раткау[19], и гарнизоны важнейших крепостей капитулировали без единого выстрела. Король нашел убежище у царя, посредничество которого помогло ему сохранить трон. Но Пруссия к тому времени уже была внутренне надломлена; она прогнила до основания и разложилась, а Наполеон всего лишь нанес последний удар. Дело было в том, что идеология, на которую опиралось государство, утратила былое влияние, рухнув под натиском новых либеральных идей.

Подобно всем прочим государям и герцогам, основавшим свое суверенное правление на обломках Священной Римской империи германской нации[20], Гогенцоллерны также рассматривали свое королевство как семейное достояние, границы которого они пытались расширить с помощью силы, хитрости и брачных союзов. Обитатели их королевства являлись подданными, обязанными повиноваться приказам. Они были принадлежностью земли, собственностью правителей, имевших право поступать с ними *ad libitum*[21]. До их счастья и благосостояния дела никому не было.

Естественно, король был заинтересован в материальном благополучии своих подданных. Но этот интерес не имел никакого отношения к идее, что гражданское правительство должно заботиться о благосостоянии народа. Король заботился о повышении зажиточности своих крестьян и горожан, потому что именно из их доходов формировались поступления в казну. Его интересовали не люди, а налогоплательщики. Страна должна была управляться так, чтобы он мог увеличивать свою мощь и пышность двора. Германские князья завидовали богатству Западной Европы, которая обеспечивала королей Франции и Великобритании средствами на содержание сильных армий и флота. Поэтому они поощряли развитие торговли, производства и сельского хозяйства, чтобы увеличивать доходы казны. При этом подданные являлись всего лишь пешками в королевских играх.

Но к концу XVIII столетия отношение подданных существенно изменилось. Из Западной Европы проникали новые идеи. Люди, привыкшие слепо подчиняться данной от Бога власти князей, впервые услышали такие слова, как свобода, самоопределение, права человека, парламент, конституция. Немцы научились понимать смысл опасных лозунгов.

Ни один немец ничего не внес в развитие великой системы либеральной мысли, преобразовавшей структуру общества и заменившей власть королей и их фавориток властью народа.

Участовавшие в развитии этих идей философы, экономисты и социологи думали и говорили на английском или французском языках. В XVIII в. немцы не сумели даже сделать приемлемые переводы этих английских, шотландских и французских авторов. Достижения немецкой идеалистической философии достаточно убоги по сравнению с работами их английских и французских современников. Но немецкие интеллектуалы с энтузиазмом встречали западные идеи свободы и прав человека. Немецкая классическая литература пронизана этими идеями, а великие немецкие композиторы писали музыку на стихи, восхвалявшие свободу. Стихи, пьесы и другие сочинения Фридриха Шиллера от первой до последней буквы являются гимном свободе. Каждое написанное Шиллером слово становилось очередным ударом по отжившей политической системе Германии; его труды восторженно встречались почти всеми немецкими книголюбями и театрами. Разумеется, интеллектуалов было меньшинство. Широкие народные массы с книгами и театрами были незнакомы. Это были бедные крепостные восточных провинций и обитатели католических провинций, медленно высвобождающиеся из пут, наложенных контрреформацией. Даже в более развитых западных районах и в городах было еще полно неграмотных и малограмотных. Массы не интересовались политическими вопросами; они слепо повиновались, потому что жили в страхе перед муками ада, веру в которые им внушила церковь, и в еще большем страхе перед полицией. Они находились вне пределов немецкой цивилизации и культурной жизни; они знали только свои местные диалекты и с трудом понимали того, кто говорил на другом диалекте либо на немецком литературном языке. Но численность отсталых групп постепенно сокращалась. Экономическое процветание и образование делали свое дело. Благодаря повышению уровня жизни все больше становилось тех, кто мог позволить себе заботиться не только о пище и крыше над головой и кто помимо выпивки знал и другие развлечения. Каждый, кому удавалось выбраться из нищеты и присоединиться к обществу цивилизованных людей, становился либералом. Если не считать небольшой группы государей и их аристократических приближенных, практически все, кто интересовался политическими вопросами, были либералами. В те дни в Германии были только либералы и люди, не интересующиеся политикой, но число последних постоянно сокращалось, а ряды либералов росли.

Все интеллектуалы сочувствовали Французской революции. Они ужасались якобинскому террору, но приветствовали великие реформы. В Наполеоне они видели того, кто способен сохранить и завершить эти реформы, и, подобно Бетховену, отвернулись от него, когда он предал свободу и сделался императором.

Никогда прежде никакое интеллектуальное движение не охватывало всю Германию, и никогда прежде немцы не были столь едины в своих чувствах и идеях. Усвоение пришедших с Запада идей фактически превратило людей, говоривших по-немецки и являвшихся подданными владетельных князей, прелатов, графов и городских патрициев, в нацию, в немецкую нацию. Только после этого возникло то, чего раньше еще не бывало: немецкое общественное мнение, немецкая общественность, немецкая литература и сама Германия как родина и отечество. Теперь немцам стали понятны античные авторы, которых они проходили в школе. Они иначе стали смотреть на собственную историю, которая перестала быть только историей войн между князьями за землю и доходы. Усвоение западных идей превратило подданных множества мелких княжеств в граждан Германии.

Новый дух потряс основания княжеских тронов – традиционную лояльность и покорность подданных, всегда готовых подчиняться деспотическому правлению группы привилегированных семей. Теперь немцы мечтали о Германии с парламентским правительством и правами человека. Они стали безразличны к судьбе существовавших немецких государств. Немцы, называвшие себя «патриотами», – новое словечко, пришедшее из Франции, – презирали эти гнезда деспотизма и злоупотреблений властью. Они ненавидели тиранов. И больше

всего ненавидели Пруссию, потому что воспринимали ее как самую сильную и опасную угрозу немецкой свободе.

Прусский миф, созданный историками XIX в. с полным пренебрежением к фактам, пытается нам внушить, что современники относились к Фридриху II точно так же, как сами эти историки, – как к борцу за величие Германии, поборнику национальной мощи и единства, народному герою. Нет ничего дальше от истины. Современники воспринимали бесконечные войны этого короля как борьбу за расширение владений Бранденбургской династии, касавшуюся только самой династии. Его полководческим гением восхищались, но жестокость прусской системы вызывала отвращение. Подданные превозносили своего короля по необходимости, чтобы избежать его недовольства, поскольку он отличался свирепой мстительностью. Когда им восторгались люди, жившие за пределами Пруссии, это было замаскированной критикой собственного властителя. Подданные мелких князей использовали этот прием как наименее опасный способ унижить своих карманных Неронов и Борджиа. Они прославляли его военные победы, но считали себя счастливыми, потому что были недосыгаемы для его капризов и жестокости. Они одобряли Фридриха только за то, что он воевал с их собственными тиранами.

В конце XVIII в. общественное мнение Германии было столь же единодушным в отрицании старого порядка, как это было во Франции накануне революции. Немцы равнодушно взирали на захват французами территории по левому берегу Рейна, на поражение Австрии и Пруссии, на распад Священной империи и создание Рейнской конфедерации[22]. Они славили реформы, которые проводили правительства всех немецких государств под давлением французских идей. Они восхищались Наполеоном как великим полководцем и правителем точно так же, как прежде Фридрихом Прусским. Немцы возненавидели французов – как и французские подданные императора – только когда в конце концов устали от бесконечных войн. Когда Великая армия погибла в России, люди проявили интерес к кампаниям, покончившим с Наполеоном, но и то лишь потому, что надеялись, что с его падением у них возникнут парламентские правительства. Последующие события развеяли эти иллюзии, и началось революционное брожение, приведшее к восстанию 1848 г.

Утверждалось, что корни современного национализма и нацизма следует искать в сочинениях романтиков, в пьесах Генриха фон Клейста и в политических балладах, распевавшихся в конце войны с Наполеоном. Но это также заблуждение. Утонченные работы романтиков, извращенная эмоциональная атмосфера пьес Клейста и патриотические песни освободительной войны не оказали заметного влияния на публику; философские и социологические эссе, рекомендовавшие возврат к средневековым институтам, считались маловразумительными. Людей интересовало не Средневековье, а парламентская жизнь Запада. Они читали не романтиков, а Гёте и Шиллера, ходили на пьесы Шиллера, а не Клейста. Шиллер стал главным поэтом нации; в его восторженных обращениях к свободе немцы находили свой идеал. Празднование столетия Шиллера (в 1859 г.) вылилось в самую внушительную политическую демонстрацию в истории Германии. Немецкий народ был единодушен в приверженности идеям Шиллера, идеям либерализма.

Все попытки отвлечь немцев от идеалов свободы провалились. Учения противников свободы были непопулярны. Полиция Меттерниха безуспешно боролась с усилением либерализма.

Только в последние десятилетия XIX в. влияние либеральных идей начало ослабевать. Их затмили доктрины этатизма. Этатизм – нам придется иметь с ним дело позднее – это система социально-политических идей, не имеющая исторических предшественников, не связанная с прежними теориями и концепциями, хотя – если учитывать особенности рекомендуемой им экономической политики – его можно с известным основанием назвать неомеркантилизмом.

## 2. Слабость немецкого либерализма

Почему же, несмотря на то, что примерно в середине XIX в. немцы, интересовавшиеся политикой, были едины в приверженности либерализму, страна не сумела стряхнуть ярмо абсолютизма и установить демократию и парламентскую форму правления.

Начнем с сопоставления условий в Германии и в Италии, которая находилась в похожей ситуации. Итальянцы тоже были настроены либерально, но итальянские либералы были беспомощны. Австрийская армия была достаточно сильна, чтобы подавить любую попытку революционного переворота. Иностранная армия держала либерализм в узде; от австрийского владычества Италию освободили другие иностранные армии. В Сольферино, в Кёниггреце и на берегах Марны[23] французы, пруссаки и англичане вели сражения, избавившие Италию от правления Габсбургов. Подобно тому как итальянский либерализм был бессилён против австрийской армии, так и немецкий либерализм не мог противостоять армиям Австрии и Пруссии. В составе австрийской армии немцев было немного. Армия Пруссии, разумеется, была преимущественно немецкоязычная; литовцы, поляки и другие славяне составляли меньшинство. Но огромное число этих людей, говоривших на одном из немецких диалектов, было набрано в армию из политически ещё не проснувшихся слоев общества. Это были выходцы из восточных провинций, с восточных берегов Эльбы, в большинстве своем неграмотные и не знакомые с умонастроениями интеллектуалов и горожан. Они ничего не слышали о новых идеях, были воспитаны в традиции повиновения юнкерам, осуществлявшим административную и судебную власть в их деревнях, которым они были обязаны платить дань в виде оброка и барщины и которые были для них законными господами. Вчерашние крепостные были неспособны послушаться приказа стрелять в людей. Верховный главнокомандующий прусской армии мог на них положиться. Отряды, разгромившие прусскую революцию в 1848 г., состояли именно из этих людей и поляков.

Таковы были условия, помешавшие немецким либералам превратить слово в дело. Они были вынуждены ждать, когда рост благосостояния и образования приведет этих отсталых людей под знамена либерализма. И вот тогда, верили они, победа либерализма станет неизбежной. Время работало на либерализм. Но, увы, эти ожидания не оправдались. Злой рок Германии заключался в том, что прежде чем удалось обеспечить триумф либерализма, либерализм и либеральные идеи оказались низвергнуты – не только в Германии, но и повсюду – другими идеями, которые и на этот раз пришли в Германию с запада. Немецкий либерализм не успел еще выполнить свою задачу, когда потерпел поражение от этатизма, национализма и социализма.

## 3. Прусская армия

Прусская армия, участвовавшая в Лейпцигском сражении и в битве при Ватерлоо[24], сильно отличалась от армии, созданной Фридрихом Вильгельмом I, которой Фридрих II командовал в трех больших войнах[25]. Старая прусская армия была разгромлена и уничтожена в 1806 г. и уже не возродилась.

В прусскую армию XVIII столетия людей набирали силой, муштровали с помощью порки и держали в подчинении совершенно варварскими методами. Солдаты были большей частью иностранцами. Короли отдавали им предпочтение перед своими подданными, считая, что последние полезнее, когда работают и платят налоги, чем когда маршируют в строю. В 1742 г. Фридрих II поставил целью довести число иностранцев в пехоте до двух третей и лишь на треть оставить местных уроженцев. Полки комплектовались преимущественно из иностранных дезертиров, военнопленных, преступников, бродяг, бездельников и тех, кого вербовщики загнали в армию обманом и силой. Эти солдаты были готовы бежать при малейшей возмож-

ности. Поэтому важнейшей частью военного дела была борьба с дезертирством. Фридрих II начинает свой главный трактат по стратегии «Общие принципы ведения войны» с 14 правил предотвращения дезертирства. Решение тактических и даже стратегических вопросов было подчинено задачам борьбы с дезертирством. Войсковые части можно было использовать только в едином строю. Рассылка патрулей была делом рискованным. Стратегическое преследование разбитого врага было невозможно. Ночные марши и атаки, так же как ночевки в лесистой местности, тщательно избегались. Как в военное, так и в мирное время от солдат требовали бдительно следить друг за другом. Гражданские под страхом тяжчайших наказаний были обязаны перекрывать дороги при розысках дезертиров, ловить их и сдавать в армию.

Офицеры в этой армии были, как правило, из дворян. Среди них также было много иностранцев, но большинство составляли выходцы из прусского юнкерства. В своих произведениях Фридрих вновь и вновь повторяет, что люди простого происхождения не могут быть офицерами, потому что их умы заняты наживой, а не честью. Хотя положение офицера было достаточно выгодным и даже командир роты получал довольно высокое жалованье, значительная часть земельной аристократии предпочитала не пускать своих сыновей на военную службу. Короли нередко посылали полицейские отряды для похищения молодых дворян и помещения их в военные училища. Получаемое там образование вряд ли было лучше, чем в начальных школах. Люди с высшим образованием в рядах прусского офицерства были крайне редки<sup>12</sup>.

Такая армия могла воевать – а с хорошим полководцем и побеждать – только против армий, организованных на таких же принципах. Наполеон расшвырял эту армию, как солому.

Армии Французской революции и первой империи были истинно народными. Это были армии свободных людей, а не сброд в завитых париках. Их командиры не боялись дезертирства. Поэтому они могли отказаться от традиционной тактики наступления в сомкнутых цепях и стрельбы залпом, не целясь. Они могли принять новую тактику боя – вести войска колоннами и проводить стычки небольшими силами. Новая структура армии принесла с собой новую тактику, а потом и новую стратегию. Против всего этого прусская армия оказалась беспомощной.

Французская модель была взята за образец при реорганизации прусской армии в 1808–1813 гг. В основу был положен принцип воинской повинности для всех физически годных мужчин. В 1813–1815 гг. новая армия выдержала испытание в боях. После этого ее организация оставалась неизменной почти столетия. Неизвестно, как эта армия проявила бы себя в случае иностранной агрессии – история не предоставила ей возможность пройти это испытание. Но одно известно наверняка, будучи засвидетельствованным событиями революции 1848 г.: лишь отдельные части согласились воевать против «внутреннего врага», собственного народа, так что в случае непопулярной захватнической войны на этих солдат нельзя было бы положиться.

В ходе подавления революции 1848 г. абсолютно надежными оказались только части королевской гвардии, состоявшие из людей, лично преданных королю, кавалерия и полки, набранные в восточных провинциях. Части, в которых служили призывники из западных районов, милиция (*Landwehr*) и резервисты из восточных районов оказались в той или иной степени заражены либеральными идеями.

Срок службы в гвардии и кавалерии составлял три года, тогда как в остальных частях только два. Из этого генералы сделали вывод, что два года недостаточно для того, чтобы из гражданского человека сделать солдата, безусловно преданного королю. Для сохранения прусской политической системы с ее королевским абсолютизмом и юнкерским сословием нужна была армия, готовая без лишних вопросов воевать против того противника, на которого укажут командиры. Эта армия – армия его королевского величества, а не народная или армия парламента – должна была в случае необходимости разгромить любое революционное движение в

<sup>12</sup> Delbrück, *Geschichte der Kriegskunst* (Berlin, 1920), Part IV, pp. 273 ff., 348 ff.

Пруссии или в любом из малых государств Конфедерации, а также отразить возможное вторжение с запада, имеющее целью заставить германских властителей дать своим подданным конституцию и другие послабления. В Европе 1850-х годов, где император Франции[26] и британский премьер-министр лорд Пальмерстон открыто выражали симпатию народным движениям, угрожавшим законным интересам королей и аристократов, армия дома Гогенцоллернов была *rocher de bronze*[27] посреди поднимавшейся волны либерализма. Сделать эту армию надежной и несокрушимой значило нечто большее, чем сохранение трона Гогенцоллернов и их аристократических прислужников; это означало спасение цивилизации от угрозы революции и анархии. Такова была философия Фридриха Юлиуса Шталя и правых гегельянцев, таковы были идеи прусских историков, принадлежавших школе *Kleindeutsche*[28], такими были настроения военных кругов при дворе короля Фридриха Вильгельма IV. Конечно, этот король был невротиком со слабым здоровьем, постепенно сходящим с ума. Но военачальники во главе с генералом фон Рооном, имевшие поддержку принца Вильгельма[29], брата короля и наследника престола, находились в здравом уме и настойчиво шли к поставленной цели.

Частичный успех революции выразился в создании парламента Пруссии. Но его полномочия были настолько ограничены, что Верховный главнокомандующий имел полную возможность принимать любые меры, которые казались ему необходимыми для превращения армии в абсолютно надежный инструмент власти.

Эксперты считали, что для полноценной подготовки пехотинца совершенно достаточно двух лет службы. Король увеличил срок службы до двух с половиной лет в 1852 г. и до трех в 1856 г. по чисто политическим соображениям. Благодаря этому сильно увеличивались шансы на успех в случае повторения революционного восстания. Военная партия не была уверена, что в *ближайшем будущем* сил гвардии и регулярных частей окажется достаточно для разгрома плохо вооруженных повстанцев. Исходя из этого, она пошла на всестороннюю реформу армии.

Целью реформы было повышение боеспособности армии и обеспечение ее безусловной верности королю. Численность пехотных частей была почти удвоена, артиллерийских – увеличена на 25 %, а также были созданы новые кавалерийские части. Ежегодный призыв был увеличен с 40 000 до 63 000 человек, и пропорционально выросла численность офицерского корпуса. В свою очередь, милиции предстояло стать резервом регулярной армии. Люди старших возрастов были уволены из милицейских частей как не вполне надежные. На руководящие посты были назначены офицеры действующей армии<sup>13</sup>.

В сознании своей силы, которую им дало продление срока службы, и в уверенности, что в обозримом будущем можно не опасаться революционного взрыва, двор провел эту реформу, даже не проконсультировавшись с парламентом.

К тому времени безумие короля стало настолько заметным, что принц Вильгельм был назначен принцем-консортом; теперь королевская власть сосредоточилась в руках сговорчивого сторонника аристократической клики и военных ястребов. В 1859 г., во время войны между Австрией и Францией, была проведена мобилизация прусской армии. Демобилизацию провели таким образом, что оказались достигнуты цели реформы. К весне 1860 г. были созданы все предусмотренные планом реформ воинские подразделения. Только после этого кабинет передал законопроект о реформе в парламент с просьбой утвердить необходимое увеличение расходов<sup>14</sup>.

Борьба с этим законопроектом была последним политическим деянием немецкого либерализма.

---

<sup>13</sup> Ziekursch, *Politische Geschichte des neuen deutschen Kaiserreichs* (Frankfurt, 1925—30), I, p. 29 ff.

<sup>14</sup> Sybel, *Die Begründung des deutschen Reiches unter Wilhelm I* (2nd ed. Munich, 1889), II, p. 375; Ziekursch, *op. cit.*, I, p. 42.

## 4. Конституционный конфликт в Пруссии

Прогрессисты, как называли свою партию либералы, вошедшие в нижнюю палату прусского парламента (палата депутатов), ожесточенно сопротивлялись реформе. Король – Фридрих Вильгельм IV уже умер, и трон унаследовал Вильгельм I – распустил парламент, но избиратели опять обеспечили большинство прогрессистам. Король и министры не смогли справиться с противодействием законодателей. Поэтому реформу они проводили без одобрения парламента, т. е. вне конституционных рамок. Армия провела две кампании и разгромила Данию в 1864 г. и Австрию в 1866 г.[30] И лишь после этого прусский парламент уступил, после присоединения королевства Ганноверского, курфюрства Гессенского, герцогств Нассау, Шлезвиг и Гольштейн, а также вольного города Франкфурта, после утверждения верховенства Пруссии над всеми государствами Северной Германии и заключения военного соглашения с государствами Южной Германии, по которому они также подчинились Гогенцоллерну. Прогрессивная партия раскололась, и некоторые бывшие ее члены поддержали правительство. Король получил большинство в парламенте. Нижняя палата проголосовала за одобрение всех неконституционных мероприятий правительства и задним числом, после шести лет сопротивления, узаконила реформу и все расходы правительства. Конституционный конфликт закончился полной победой короля и столь же полным поражением либерализма.

Когда делегация палаты депутатов принесла королю примирительный ответ на его речь, произнесенную при открытии новой сессии, он высокомерно заявил, что действовать так, как в последние годы, – его долг, и в будущем в подобных обстоятельствах он будет действовать точно так же. Но в ходе конфликта король не раз был готов сдаться. В 1862 г. он потерял все надежды преодолеть сопротивление народа и был готов отречься от престола. Генерал фон Роон убедил его сделать последнюю попытку и назначить премьер-министром Бисмарка. Бисмарк примчался из Парижа, где был представителем Пруссии при дворе Наполеона III. Король, по его словам, выглядел «утомленным, угнетенным и обескураженным». Когда Бисмарк попытался изложить свое понимание политической ситуации, Вильгельм прервал его словами: «Я предвижу совершенно ясно, чем все это кончится. На Оперной площади, под моими окнами, отрубят голову сперва вам, а несколько позже и мне». Вдохнуть мужество в трепещущего Гогенцоллерна оказалось непростой задачей. Но в конце концов, сообщает Бисмарк, «я воззвал к его воинской чести, и он увидел себя в положении офицера, обязанного защищать свой пост, пока не погибнет»<sup>15</sup>.

Королева, принцы и многие генералы были испуганы еще сильнее. В Англии королева Виктория бессонными ночами думала о положении своей старшей дочери, которая была женой кронпринца. По королевскому дворцу в Берлине бродили тени Людовика XVI и Марии Антуанетты.

Однако все эти страхи были беспочвенны. Прогрессисты не замыслили новой революции, а если бы и рискнули, то были бы разгромлены.

Подвергавшиеся со всех сторон нападкам немецкие либералы, эти преданные науке люди, читатели философских трактатов, любители музыки и поэзии, прекрасно понимали, почему провалилось восстание 1848 г. Они знали, что не смогут создать народное правительство в стране, миллионы жителей которой все еще пребывают в тисках религиозных суеверий, неграмотности и дикости. По существу, политическая проблема была проблемой образования. Конечный успех либерализма и демократии представлялся несомненным. Движение в сторону парламентаризма неодолимо. Но для победы либерализма необходимо, чтобы просвещение затронуло тот слой населения, в котором король набирает верных себе солдат, сделав их при-

---

<sup>15</sup> Бисмарк О. Мысли и воспоминания. В 3-х т. М.: ОГИЗ-Соцэкгиз, 1940. Т. 1. С. 240–241.

верженцами либеральных идей. Тогда король будет вынужден уступить, и власть достанется парламенту без кровопролития. Либералы были настроены всеми силами оберегать немецкий народ от ужасов революции и гражданской войны. Они были уверены, что в не столь отдаленном будущем получат полную власть над Пруссией. Нужно было только подождать.

## 5. Программа «Малой Германии»

В ходе конституционного конфликта прусские прогрессисты не добивались уничтожения или ослабления армии. Они понимали, что в существовавших обстоятельствах Германия нуждалась в сильной армии для защиты своей независимости. Они лишь хотели отобрать армию у короля и сделать ее инструментом защиты немецкой свободы. Вопрос был в том, кто будет контролировать армию – король или парламент?

Целью немецкого либерализма было преодоление постыдной раздробленности Германии на тридцать с лишним малых государств и создание единого либерального государства. Большинство либералов считали, что будущая Германия не должна включать Австрию. Австрия очень сильно отличалась от других немецкоговорящих стран; у нее были собственные проблемы, чуждые остальной нации. Либералы не могли не рассматривать Австрию в качестве самого опасного препятствия немецкой свободе. Австрийский двор находился под влиянием иезуитов, ее правительство заключило конкордат с папой Пием IX, известным своей враждебностью ко всем современным идеям. Император Австрии не собирался добровольно отказываться от того положения, которое его предки занимали в Германии более 400 лет. Либералы хотели, чтобы у Пруссии была сильная армия, потому что боялись австрийского владычества, новой контрреформации и восстановления реакционной системы покойного князя Меттерниха. Их целью было единое правительство для всех немцев за пределами Австрии (и Швейцарии). Поэтому они называли себя малогерманцы (*Kleindeutsche*), в противоположность великогерманцам (*Grossdeutsche*), которые хотели включения в состав будущей Германии тех частей Австрии, которые прежде входили в Священную империю.

Но помимо этого были и другие внешнеполитические обстоятельства, требовавшие увеличения прусской армии. Францией в те годы правил авантюрист, убежденный, что может сохранить трон только военными победами. В первое десятилетие своего царствования он уже провел две кровавых войны. Казалось, что теперь черед Германии. Не было сомнений, что Наполеон III лелеет идею присоединения территории по левому берегу Рейна. Кто, кроме прусской армии, мог защитить Германию?

Была еще одна проблема – Шлезвиг-Гольштейн. Граждане Гольштейна, Лауенбурга и Южного Шлезвига были решительными противниками датского правления. Немецких либералов мало интересовали изощренные аргументы юристов и дипломатов относительно обоснованности разных притязаний на земли Эльбских герцогств. Их не впечатляла доктрина, что вопрос о правителе страны следует решать с учетом положений феодального права и семейных соглашений столетней давности. Они поддерживали западный принцип самоопределения. Жители этих герцогств не желали оказаться под владычеством человека, все притязания которого покоились на том, что он был женат на герцогине с сомнительными правами на трон Шлезвига и безо всяких прав на трон Гольштейна. Они мечтали об автономии в рамках Германской конфедерации. Для либералов был важен этот единственный факт. Почему отказываться этим немцам в том, что получили британцы, французы, бельгийцы и итальянцы? Но поскольку король Дании не собирался отказываться от своих притязаний, без помощи оружия этот вопрос было решить невозможно.

Но было бы ошибкой оценивать все эти проблемы с точки зрения позднейших событий. Бисмарк освободил Шлезвиг-Гольштейн от датских угнетателей только для того, чтобы присоединить его к Пруссии. И он присоединил не только Южный Шлезвиг, но и Северный, насе-

ление которого предпочитало остаться под эгидой Датской короны. Не Наполеон III напал на Германию; это Бисмарк двинул войска на Францию. В начале 1860-х годов такого поворота событий никто не предвидел. В то время в Европе, да и в Америке, главным нарушителем мира и агрессором все считали императора Франции. Симпатии к стремлению немцев к объединению в значительной степени объяснялись убеждением, что единая Германия составит противовес Франции и, таким образом, обеспечит Европе мирное будущее.

К тому же религиозные предубеждения малогерманцев направили их по ошибочному пути. Подобно большинству либералов, они считали протестантизм первым шагом на пути от средневекового невежества к просвещению. Малогерманцы боялись католической Австрии и предпочитали Пруссию, где большинство населения составляли протестанты. Вопреки опыту они надеялись, что Пруссия более открыта либеральным идеям, чем Австрия. Нужно отметить, что в те критические годы политические условия в Австрии были неудовлетворительными. Но дальнейшие события доказали, что протестантизм защищает свободу не лучше католицизма. Идеалом либерализма является полное отделение церкви от государства, а также равная терпимость ко всем вероисповеданиям.

Но в эту ошибку впали не только немцы. Заблуждение французских либералов доходило до того, что поначалу они приветствовали победу Пруссии в Кёниггреце (Садова). Позже они осознали, что поражение Австрии было приговором и для Франции, и лишь тогда – слишком поздно – их боевым кличем стал лозунг: «Реванш за Садова!»

В любом случае, Кёниггрец был сокрушительным поражением для немецкого либерализма. Либералы понимали, что кампания ими проиграна. Тем не менее они были полны надежд. Они были твердо намерены продолжить борьбу в новом парламенте Северной Германии. Им казалось, что эта борьба должна привести к победе либерализма и сокрушению абсолютизма. Каждый день приближал момент, когда король утратит возможность использовать «свою» армию против народа.

## 6. Эпизод с Лассалем

Для понимания прусского конституционного конфликта можно было бы обойтись и без упоминания Фердинанда Лассалья. Его появление на политической сцене не сказалось на ходе событий. Но оно стало предвестником чего-то совершенно нового; впервые дали о себе знать силы, которым предстояло определить судьбу Германии и всей западной цивилизации.

В то время как прусские прогрессисты вели борьбу за свободу, Лассаль неистово и ожесточенно воевал против них, проповедуя евангелие классово войны и подстрекая рабочих отвернуться от прогрессистов. Он говорил, что прогрессисты, эти представители буржуазии, являются смертельными врагами рабочих. Нужно бороться не с государством, а с эксплуататорскими классами. Государство – ваш друг; ну, разумеется, не государство, управляемое господином фон Бисмарком, а государство, во главе которого буду я, Лассаль.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.